

Славомир Мрожек

РАССКАЗЫ

/пер. с польск. Т.Е./

ШТАБС-КАПИТАН ИПОЛИТ

О нет! Он не сразу стал штабс-капитаном. Когда его призывали в 1844 году в войска Императора, он не был даже штабс-поручиком. Да что я говорю! Даже штабс-капралом, даже штабс-рядовым. Он собирался тогда изучать философию.

В начале 1854 года он получил первое отличие: колесом пушки ему отдало ногу, и он был помещен в списки раненых.

Сначала он получал письма от друзей. Казарменная сутолока заполняла его жизнь. То "Подъем!", то "Отбой!", а то и такая учеба: кричать "Да здравствует Императорский пом!"

Он тупел. В 1859 году ему запретили носить очки - "Зачем они тебе?" - спрашивало начальство. Его жизнь была суровой.

В 1867 году конь, тянувший лафет, лягнул его. Он начал терять память. Из всех человеческих чувств у него сохранилась только горячая любовь к животным.

В 1872 году он по рассеянности надел носки. Для наказания были вызваны два полка конных жандармов, которые проскакали по нему. Он долго лечился в военном госпитале.

В 1880 году он умер, но был призван вторично. Пришлось явиться. Теперь он отупел окончательно. Когда в 1893 году он был отправлен на отдых, то потребовал болотной воды.

Еще в 1914 году его использовали в обозе, при лагерях.

А потом уже никто ничего не слышал о штабс-капитане Иполите.

Такая вот история.

ЛЕБЕДЬ

В парке был пруд, который украшал лебедь. И вот однажды лебедь исчез - его украли хулиганы. В Отделе озеленения города выхлопотали нового лебедя, а чтобы его не постигла такая же печальная участь, к нему приставили специального сторожа - маленького одинокого старичка. Служба его началась как раз в зимние вечера, когда никто в парк не приходил

Старичок ходил вокруг пруда, наблюдая за лебедем и иногда поглядывая на звезды. Ему стало холодно, и он подумал, что неплохо было бы заглянуть в буфет, расположенный неподалеку от парка. И уже направился в ту сторону, но вспомнил о лебеде. Старик испугался, что в его отсутствие лебедя могут украсть и тогда он потеряет работу. Пришлось от буфета отказаться.

Но холод понимал все сильнее, а одиночество угнетало. Наконец, он решил все же пойти в буфет, а лебедя унести с собой. Даже если кто-нибудь придет в парк, размышлял он, чтобы насладиться прелестью природы, то не сразу заметит отсутствие лебедя. Ночь хоть и звездная, но безлунная. Мы скоро вернемся, решил старик и взял лебедя с собой.

В буфете было тепло и приятно, в воздухе носился запах еды. Старик посадил лебедя в кресло по другую сторону столика, чтобы иметь его перед глазами. Затем заказал скромный ужин и рюмку водки — он здорово промерз. С удовольствием поедая баранину, он вдруг заметил, что лебедь как-то особенно на него смотрит. Ему стало жаль птицу, да и есть было неприятно, чувствуя на себе укоризненный взгляд. Подозвав официанта, он заказал для лебедя белую булочку и размочил ее в крепком подогретом пиве с сахаром. Лебедь повеселел, а по окончании ужина оба, подкрепившиеся и довольные, вернулись в парк.

Следующий вечер был таким же холодным, звезды сияли необыкновенно ярко, и каждая ледяным гвоздем входила в теплое, одинокое сердце старика. Но он боролся с желанием пойти в буфет. На середине пруда появилось белоснежное, с изящными очертаниями пятно; это плыл лебедь. Старик вдруг подумал о том, какую дрожь вызвало бы в любом человеке соприкосновение в такую ночь с ледяной водой. Бедный лебедь! Старика разволновала суровая судьба лебедя, он почти был уверен, что охотно пошел бы с ним туда, где тепло, и докормил бы его чем-нибудь. Решившись, он взял лебедя под мышку и направился в буфет.

Наступил следующий вечер, но старик, хоть и терзался черной меланхолией, идти в буфет не решился. Вчера, когда он вернулся с лебедем в парк, лебедь что-то танцевал и очень

странно кричал. Старик сидел, задумавшись, на берегу пруда в пустынном, оголенном парке и вдруг почувствовал, что кто-то осторожно тянет его за штанину. Это был лебедь, он просил о чем-то — и они пошли.

.. Через месяц старика уволили вместе с лебедем. Лебедь среди бела дня выцедывал фортели на водной глади пруда. Родители, пришедшие с детьми для отдыха и обозрения лебеда, подали жалобу: вид лебеда представлял неподходящее зрелище для детей.

Даже самое скромное положение требует моральной устойчивости.

СУДЬБА БАРАБАНИКА

Я любил свой барабан и носил его на широком ремне, повешенном на шею. Барабан был большой, я бил по его матово-желтой поверхности дубовыми палочками. Эти палочки были отполированы временем и моими пальцами, что свидетельствовало о моем трудолюбии и прилежании. Я маршировал с этим барабаном по дорогам, то белым от пыли, то черным от грязи. А мир по обеим сторонам дорог был зеленым, золотисто-коричневым или белым, в зависимости от времени года. И над всем этим беспрестанно и дробно рокотал голос моего барабана, и руки мои принадлежали не мне, а барабану, и когда барабан молчал, я плохо себя чувствовал...

Однажды вечером я бодро барабанил и вдруг увидел генерала. Он был не в должной форме: китель расстегнут до верха и в кальсонах. Поздоровавшись со мной, он кашлянул, похвалил правительство, а затем, как бы нехотя, сказал: "А ты все время так барабанишь?" — Так точно! — воскликнул я, ударяя по барабану с удвоенной силой. — Во славу Родины!

— Прекрасно, прекрасно, — сказал генерал несколько грустным тоном. — И долго еще будешь барабанишь?

— Пока хватит сил! — ответил я радостно.

.. — Молодец, — похвалил генерал и почесал голову. — А надолго их хватит?

— До конца жизни! — сказал я гордо.

— Ну, ну... — удивился генерал и на минуту умолк, о

чем-то размышляя. Потом начал с другой стороны. - Поздно уже, - сказал он.

- Поздно бывает только для врага, для нас - никогда! - крикнул я. - Будущее принадлежит нам!

- Правильно, очень правильно, - согласился генерал, несколько нетерпеливо. - Но я имею в виду время - поздний час.

- Час сражения пробил! Пусть гремят дела, и звонят колокола! - закричал я в благородном порыве преданности барабанному делу.

- Нет, нет, колоколов не надо, - поспешно сказал генерал. - То есть, можно и колокола, но не так часто.

- Так точно, господин генерал, - подхватил я с энтузиазмом. - Зачем нам колокола, если у нас есть барабанная дробь! Когда грохочет барабан, пусть молчат колокола! - И в подтверждение своих слов забил "штурм".

- Никогда не отступать, да? - неуверенно спросил генерал, прикрывая рукой рот.

- Никогда! - крикнул я. - Мой барабан будет греметь без перерыва. Генерал может положиться на своего барабанщика! - Я чувствовал, как волны восторга схватывают и уносят меня.

- Армия гордится тобой, - кисло сказал генерал. Он вздрогнул от ночной мглы, заполнявшей лагерь. Посреди седого тумана, словно стог, торчала палатка генерала.

- Так точно! Гордится! Мы никогда не устанем маршировать, господин генерал, ни днем, ни ночью. И каждый наш шаг, каждый шаг - это непрерывная дробь победы! - кричал я, грохоча по барабану.

- Так, так, - хмыкнул генерал. - Да. Именно так. - И пошел по направлению к своей палатке.

Я остался один, но мое одиночество еще больше содействовало чувству ответственности и жертвенности. Ты ушел, мой генерал, думал я. Но ты знаешь, что твой верный барабанщик на страже. Ты склоняешь свой лоб, изрезанный морщинами, над стратегическими планами и флажками прокладываешь на карте путь к нашей общей победе. И ты, и я - мы оба встретим наде ясное утро, которое я в нашу честь оснью барабанной дробью.

Я был растроган посещением генерала, меня охватило огромное желание всецело посвятить себя нашему общему делу — и я стал бить в барабан еще громче и еще чаще. Наступила глубокая ночь, а я с жаром молодости, увлеченный идеей, отдавался своему почетному труду. Иногда, между ударами палочек, я слышал со стороны генеральской палатки скрип пружинного матраца, как будто кто-то ворочался там с боку на бок.

Наконец, около полуночи на фоне палатки замаячила белая фигура. Это был генерал в ночной рубашке. Он спросил хриплым голосом: "Так ты говоришь, что — это... что будешь барабанить еще? А?"

Меня растрогало, что он поднялся ради меня среди ночи — настоящий отец солдатам.

— Так точно! Меня не сломит ни холод, ни сон, я готов барабанить до конца жизни, как приказывает дело, за которое мы боремся, как велит честь и долг барабанщика! — Я говорил это, вовсе не желая подчеркнуть свою преданность службе, и не из угодливости перед генералом. Я не хотел похвал, я не рассчитывал на награды. Даже в мыслях у меня не было ничего додебного. Я всегда был простым, искренним и — черт возьми! — добрым барабанщиком.

Генерал скрипнул зубами. Я подумал, что от холода. Потом он глухо сказал: "Хорошо, очень хорошо".

И ушел. А вскоре меня арестовали. Патруль, выполняя приказ, молча окружил меня. С моей шеи сняли барабан. Выхватили из ослабевших, замерзших рук палочки. Наступила тишина. Я ничего не мог добиться от окруживших меня часовых, с прижатыми штыками уводивших меня куда-то за лагерь. Военский устав запрещает часовым разговаривать, но один из них дал мне понять, что я арестован по приказу генерала за измену.

— За измену?.. — Светало. Показались первые розовые облачка. Зарю встречал здоровый храп, доносившийся из палатки генерала, который я ясно расслышал, когда мы проходили мимо.

П О Э З И Я

Учительница велела всем постать тетради. Лучшая ученица, сидевшая на первой парте, быстрее всех вынула новенькую, кирпичного цвета тетрадь и положила перед собой. Девочка была ни толстой, ни худой и выглядела именно так, как выглядят послушные пети, которые без капризов съедают полезные обеды. Она была гладко причесана, ни одна прядка не выбивалась из ее косички. Чулочки аккуратно натянуты, туфельки начищены так, что всем становилось ясно: такая девочка, возвращаясь домой из школы, ни в какие лужи не полезет, о нет!

Поставив точку в последнем предложении на доске, учительница объяснила детям, что такое поэзия, а в качестве примера привела следующие рифмы: поешь - зовешь, звонок - огонек, домик - томик. Затем пети, слушая разные слова, проносимые учительницей, угавывали, поэзия это или нет.

Первой была наша образцовая ученица. Например, учительница говорила: колечко - а это прилежное сознание тотчас отвечало: овечка. Ее васильковые глазки радостно горели. Еще бы! Не прошло и половины урока, как она уже узнала что-то новое.

Некоторое замешательство внес Мзеф с последней парты. На заданное слово: цветочек, он, вместо того, чтобы ответить дружок - вдруг сказал: труба. Все удивились, а учительница побранила его. Но он упрямо твердил: труба, труба - и вообще выглядел очень смешно, со своими падающими на лоб волосами.

Потом учительница сказала: - Дети, теперь вы знаете, что такое поэзия. Величайшим польским поэтом был Адам Мицкевич. Попрошу всех аккуратно переписать в тетрадь его стихотворение, а тема - выучить наизусть.

Образцовая ученица сразу же приступила к выполнению задания. Скрипя новеньким пером, она писала в чистенькой тетради, без всяких закорючек, прямо и разборчиво:

О Литва! Лишь утратив тебя, узнаешь,
Что тебя, как здоровье, пьешь,
Дорогая отчизна моя...

Уроки кончились, и дети пошли домой. И наша девочка, старательно обходя лужи, тоже отправилась домой. Придя, поцеловала бабу и маму, съела суп и гуляш. После часового отдыха села делать уроки. Открыла тетрадь и задумалась. Только теперь она заметила, что в ее тетради — два стихотворения. Одно, переписанное с доски —

О Литва! Лишь утратив тебя, узнаешь...
и второе, напечатанное крупными буквами на обложке:

Ты подумай и поймешь,
Что из гниды будет вошь.

Какой из них надо выучить? Бедный ребенок никак не мог вспомнить. Оба хороши. В одном: цъешь — узнаешь, в другом: поймешь — вошь. Приученная к порядку, она выучила то, что было слева: поймешь — вошь. Потом пошла погулять с мамой.

Наутро, вызванная учительницей, она прочла наизусть выученное стихотворение и впервые в жизни получила двойку.

Конец урока прошел спокойно, не считая неприятности с Юзефом, который ничего не выучил. И никто не заметил, что именно с этого дня девочка совершенно переменилась. По дороге домой она заметила в витрине надпись: "Труд жены ты береги — ешь готовые пироги!"

— Береги — пироги, — бормотала девочка и с удовольствием шлепала по лужам. Дома она внимательно просмотрела все обложки тетрадей. На каждой было что-нибудь напечатано, хотя и не все в стихотворном виде. Например, на одной была фраза: "Содержи руки в чистоте", но слова учительницы хорошо запомнились девочке, и поэтому она дописала своим детским почерком: "И получишь фиги те", а вечером у нее была лихорадка.

Боже мой, как переменился ребенок! Кончились обеды без капризов. Теперь придумывались различные блюда — то солянка, то селедка по-японски, то соус татарский, и все напрасно, ничем ей нельзя было угодить. Она хлопала дверью и уходила обедать в столовую. Вместо того, чтобы пораньше ложиться спать, она до часу ночи зачитывалась Андерсеном и "Сказками дяди Чеса". А встречая гостей, говорила не "Доброе утро!", а "Кредит погуб, замучили должники, о чем доносят жалобщики" — она решила стать поэтессой. В особой тетради

она писала такие стихи:

Полезен и здоров
Союз польских докторов.
А чтоб лучше еще был —
Все вперед, на шаг в тыл!

Или такие:

Собирай-ка лом железный,
Госуларству он полезный!

И еще много подобных. В школе к этому привыкли. Только с Юзефом постоянно случались неприятности, он ничему не смог научиться.

Т Е Л Е Г Р А Ф И А Я   Л И Н И Я

Сразу же за городом мы выехали на плоские полмошные луга, среди которых, словно головы рекрутов, просвечивались клочки ржи. Телега быстро катилась, несмотря на лужи и грязь. Вдали, на уровне конских ушей, тянулась темная полоса леса. Вокруг было пусто, как всегда в это время года. Спустя некоторое время я заметил вдали человеческую фигуру; по мере нашего приближения я смог хорошо ее рассмотреть. Это был мужчина с обыкновенным лицом, в мундире почтового служащего. Он неподвижно стоял на дороге, и когда мы проезжали мимо, бросил на нас равнодушный взгляд. Не успел я потерять его из виду, как перед нами показался второй человек, в таком же мундире, и тоже стоящий неподвижно. Я внимательно посмотрел на него; вскоре показались третий и четвертый. Все они стояли, повернувшись лицом к шоссе, в выцветших мундирах, с равнодушными глазами. Заинтригованный, я припопндился, чтобы через голову кучера рассмотреть дорогу. И уже издалека увидел следующую фигуру. Ряд этих фигур возбуждал во мне необыкновенное любопытство. Все они стояли на довольно большом расстоянии друг от друга, в совершенно одинаковых позах, очевидно видели друг друга, и с одинаковым равнодушием не обращали на нас никакого внимания. Я взглядывался вдаль — за одним следовал другой, за ним — следующий и еще один...

Я уже открыл рот, чтобы спросить кучера, что это может

означать, как он, указав кнутом на очередную фигуру, сказал, поворачивая головы:

- Работают. . .

И вновь перед нами показалась неподвижная фигура, с устремленным на дорогу равнодушным взглядом.

- Как работают? - спросил я.

- Обыкновенно как. Стоят на службе. Но, гнедой, пошел!

Кучер не выражал желания к дальнейшим разъяснениям, а может, считал их лишними. Он покрикивал на лошадей и время от времени пощелкивал кнутом. Придорожные кусты, часоуенки и совершенно одинаковые вербы выбегали навстречу и исчезали, а между ними я то и дело находил уже знакомую фигуру.

- На какой же они службе? - спросил я у кучера.

- На какой? На государственной. Телеграфная линия.

- Как? - воскликнул я. - Но ведь для телеграфа нужны столбы и провода!

Кучер взглянул на меня и пожал плечами.

- Видно, вы - не местный, - сказал он. - Оно верно, для обыкновенного телеграфа нужны и столбы, и провода. А это, видишь, телеграф беспроволочный. По плану должны быть обыкновенный, да вот столбы все растаскали, а провода и вовсе нет.

- Как нет?

- Обыкновенно. Нет и все. Пошел, старый, пошел!

Пораженный, я замолчал, но закончить на этом разговор не мог.

- Но разве можно - без проводов?

- А почему нельзя? Один кричит другому, тот - третьему, вот телеграмма и идет. Жаль сейчас передачи нет, а то бы сами увидели.

- Неужели такой телеграф действует?

- Что ж ему не действовать? Действует. Правда, путают частенько, это бывает. Хуже всего, если кто, выпивши. Тогда для фантазии прибавляет от себя разное, так дальше и идет. А в общем, не хуже обыкновенного, с проводами. Понятное дело: живые люди - они поумнее будут. Опять же ветер их не повалит, да и на столбах экономия. Лес-то у нас страх как по-вывели. Вот разве что волки зимой иногда прерывают. Но-о!

Пошел!

- Интересно, а люди довольны? - спросил я.

- А чего же недовольны? Работа не тяжелая, только вот кой-какие слова иностранцы знать надо. Почтмейстер наш даже в Варшаву поехал - получить. И рупоры современные им обещают, чтобы горло не рвать. Н-н-но!

- А если кто не послушит?

- Ну, таких не берут. И заик тоже. Однажды, один заика пролез по знакомству, так его сняли: линию блокировал. Говорят, на 20-м километре студент театрального училища подрабатывает - голос очень выразительный.

Я замолчал, смущенный такими аргументами. На стоящих вдоль дороги людей я уже внимания не обращал. Телега подпрыгивала на ухабах, приближаясь к темнеющему лесу.

- Ну, - осторожно сказал я, - а разве вам не хочется настоящего телеграфа, с проводами и столбами?

- Сохрани Господи! - беспокойно завертелся кучер. - Ведь у нас теперь с работой как хорошо - телеграф выручает. Да и со стороны можно поработать. Если уж кому очень важно, чтобы слова не перепутали, он садится в бречку, едет на 10-й, 15-й, 20-й километр и каждому сует что-нибудь в руку. Да, беспроводный телеграф - это, так сказать, прогрессивный. Пошел!

В монотонный скрип телеги начал вплетаться какой-то не то хрип, не то вой, не то палекий стон. Что-то вроде: о-о-о-о-а-а-а-а-е-е-о-о-о-о-а-а-а-а...

Кучер обернулся и прислушался.

- Передают, - сказал он. - Остановимся, лучше слышно будет. Тпру!

Телега остановилась, и тишина повисла над полем. И в этой тишине все громче раздавался стон, похожий на крик болотной птицы. Стоявший неподалеку мужчина приложил руку к уху.

- Сейчас и до нас дойдет, - шепнул кучер.

И действительно, едва отзвучало далекое "о-о-о-а-а-а-а-а-о", как из-за холма, который мы только что минули, послышалось протяжное: "О-о-о-те-ец у-у-у-у-ме-е-ер... по-о-о-

хо-о-ре-о-ны сре--е-е-е-ду-у-у-у..."

- Царствие небесное, - вздохнул кучер и погнался лошадей.
Мы въехали в лес.

ИСКУССТВО

- Искусство воспитывает. Писатель должен знать жизнь. Лучший пример тому - Пруст. Хотя Пруст жизни не знал. Жил в изоляции. Закрываясь в комнате, стены которой были обиты пробкой. Ничего ведь не слышно. А вы что теперь пишете? ..

.. - Пишу рассказ на конкурсе. Сюжет уже есть: преодоление трудностей в глухой деревне. Маленький Ваня пасет коров у богатого ховяина. Неожиданно над его головой раздается рокот. Это стальная птица, самолет. Ваня смотрит вверх и мечтает полететь. Вдруг - о чудо! - самолет снижается, через минуту он уже на земле. Из кабины выскакивает человек в комбинезоне и летных очках. Ваня вихрем мчится к самолету. Пилот улыбается запыхавшемуся мальчику и спрашивает: Где здесь кузница? У него незначительная поломка, которую необходимо срочно исправить. Ваня ведет пилота к кузнице. После починки человек в комбинезоне благодарит Ваню и, заметив, что тот неотрывно смотрит на самолет, спрашивает: Что, полетать хочешь? Мальчик кивает головой, волнение лишило его речи. Раздается шум мотора - и вот стальная птица летит над полями. Из кабины высовывается голова пилота, он улыбается и кивает Ване на прощанье.

Проходит некоторое время. Ваня по-прежнему пасет коров, но он уже не может забыть самолет. И вот однажды почтальон подходит к хате, где живет Ваня вместе с матерью, вповой, издали размахивает белым конвертом и улыбается. В конверте - направление в летную школу. Человек в комбинезоне не забыл о нем. Ваня не помнит себя от радости. Он едет в летную школу и кончает ее. Потом получает машину. И вот стальная птица, оторвавшись от земли, парит в воздухе. Его мать выходит на дорогу хаты и прикрывает глаза ладонью. Ваня делает круг над родным селом и качает крыльями. Его мечта сбылась.

Да, если писатель знает жизнь, то его произведения,

даже помимо воли писателя, играют прогрессивную роль. Типичный случай — Бальзак. Он был склонен к восхвалению аристократии и монархии, но его реалистические сочинения говорят совсем о другом. Если не ошибаюсь, в последнем номере журнала был напечатан ваш рассказ?

— Да. Приключения Франека. Рассказ написан по заказу редакции. Он посвящен вопросам психологии среди молодежи. Группа парней отправляется в поход. Все марширует, поет. Только Франек убегает. Покидает общество, товарищей, хочет пройти через лес в одиночку. Но он сбивается с пути и падает в ров. Выбраться из рва ему не удается. Он зовет на помощь. Товарищи слышат крик и находят его. С шутками и остроумиями они помогают ему выбраться. С тех пор Франек никогда не покидает товарищей.

— Да, искусство... Главная его задача — воспитание человека. Поэтому столь ответственна роль писателя в нашем обществе. Писатели — инженеры человеческих душ, а критики — инженеры писательских душ... Кстати, не дадите ли мне взаимы пятьсот злотых?

— Пятьсот не могу, у меня с собой только триста.

— Ладно, пусть будет триста.

МУХИ — ЛЮДЯМ

Конец октября.

Видите? — нас уже почти нет. Вы сами этого хотели. Сколько проклятий понеслись мы от вас. И ты, что топчешься сейчас в глубине комнаты, огромный и неуклюжий, ты хорошо должен помнить, как был все лето: "Что за дурацкая мысль пришла в голову Господу Богу — приделать чертям крылья!.."

.. Повторяю: нас уже нет, и по утрам вы можете сколько угодно премать в постели с полуоткрытым ртом и с обнаженными руками поверх одеяла. Кончилось столь приятное нам сидение на ваших носгах, изысканное кружение возле ушей, доставляющее больше удовольствия, чем прямое, с громким жуужанием попадания в ноздри. Сейчас, когда все прошло, можно без обиды сказать, кто мы и где мы.

Итак, нас почти нет — как того хотели вы, в бешенстве выкрикивая это по нескольку раз в день в течение полугода. А чего вы добились? Какой ценой заплатили? Нас нет, но нет и длинных дней, пляжа, теплых вечеров и нет надежд. Остатки листьев на деревьях — жалкая пародия прошлого, сохранившаяся только для того, чтобы ваша покорность была еще более обидной. Конец, конец...

Произнеся эти слова, я чувствую горькое удовлетворение: вместе со мной /"крылатым червем", как ты любезно выражался/ гибнут ваши прекрасные, благородные надежды...

Нас осталось только трое, вот здесь, между оконными стеклами, тщательно законопаченными и аккуратно заклеенными полосками бумаги. Я вижу с одной стороны темную глубину комнаты с белым пятном твоего лица, с другой — небосклон. Возле меня кружит одна из моих подружек. Вторая лежит внизу неподвижно, вытянув все шесть лапок. Но мы, "крылатые черви", после смерти выглядим лучше, чем вы.

Здесь тишина, близость и ясность.

Никогда больше не съем я крошечки сыра во время твоего завтрака, а когда ты будешь бриться перед зеркалом, делаая смешные гримасы, похожие на гримасы дрессированной собаки, я не сплуну тебе на шею.

И теперь, когда ты смотришь на меня, весь в косматом свитере, ты понимаешь, что моя маленькая, черная, высушенная смерть в белой фрамуге — хочешь ты этого или нет — торжественна и полна величия, как все то, на что ты надеялся в начале мая.

Вспомни, как много ты себе обещал, когда наступало это беспокойное лето. Лето обступало тебя со всех сторон, и ты думал, что справишься с ним. Стоило взглянуть на тебя теперь, когда ты — в который раз в жизни? — заклеивал окна. Победенный. И от всего этого, от всего — тебе остался мой крошечный трупик. Разве помогли тебе те проклятья, которыми ты осыпал меня, когда в июле я хотела прогуляться по твоей ноге?

Прощай, великий, одетый в постыдную фланель. Веселых праздников тебе и счастливого Нового года! Вот и выяснилось, что прекрасней: умереть вместе с Несбывшимся, или малодушно

забыть все и отдаться в рабство шарфам и калошам.

Мне светит последний закат солнца.

Тебе — лампочка в шестьдесят свечей.

ОБНАЖЕННОСТЬ

Мой отец вошел в переднюю, машинально вытирая ноги о вторую по очереди подстилку, более чистую, находящуюся уже в помещении. Первая, дорожная, лежала перед входными дверями, на лестничной клетке.

Прихожая была темной и освещалась только светом, проникающим сквозь окна спальни, двери которой были наполовину застеклены матовым стеклом. Однако, какой-то другой свет, а вернее — отблеск света, едва обозначенный, не рассеивающий общего полумрака, обеспокоил отца. Он остановился, в своем пальто цвета маренго, и стал искать причину своего беспокойства. И минуту спустя нашел ее, как случается, когда отыскиваемый предмет находится выше уровня нашего зрения.

Сверху, отделяясь от самой глубокой темноты потолка, свешивался острием вниз обнаженный меч.

В этом большом квадратном помещении обычно оставляли калоши, а верхнюю одежду вешали на стоячую вешалку. В углу стояли сундуки с различным старым хламом, огромные, еле различимые в полумраке глыбы. Теперь над ними возносился идеально прямой, с желобком вдоль лезвия, светлый и безусловно холодный меч. Он весь стекал к острию, сосредоточившись на нем, на границе металла и воздуха, так интенсивно, что при взгляде на него охватывала дрожь.

Меч висел на волоске, над самой серединой прихожей. Отец возмутился. Небрежность или глупые шутки? Однако показать, насколько это его возмутило, значило бы доставить удовольствие тем, кто это сделал.

— Францишка, убери это! — с показной беспечностью бросил он в глубину кухни. Затем, крадучись вдоль стены, добрался до вешалки, повесил свое пальто и исчез в столовой.

Всю эту сцену я наблюдал из ванной /бывшей одновремен-

но и уборной/, в которой я на-зажег света. Я прятался там, читая наколотые листы книги, суть которых хоть и была, в основном, непонятной, но пробуждала какое-то древременное беспокойство. Чтобы уничтожить книгу, не допустив ее к моим рукам, родители выбрали очень практичный, но, как оказалось, неверный путь.

Прихожая была пуста. Находясь почти в полной темноте, я был свидетелем того, как острое непреклонно дарило над гладким линолеумом, слегка поблескивая, как подземное озеро. Прислуга не убрала меч.

.. - Слишком высоко, - пробормотала она. Разразился скандал. Францишка отказалась работать у нас и ушла. В то время я был ребенком. И то, что отец не смог сам этого сделать, а ведь он часто, засучив рукава, возился возле раковины и в пробках счетчика, и то, что не были вызваны монтеры, которые с присущей им умелостью и свободой убрал бы меч, не вызвало во мне никакого сомнения, никакого удивления.

Я лежал на ковре в столовой /это было мое любимое место/ и читал обрывки запрещенной книги, поглядывая через открытую дверь в темную прихожую. Обычно так я ожидал возвращения отца. Он шумно вытирал ноги, стараясь не возбудить подозрений о переполюнявшем его страхе.

.. Гостей, которые теперь не часто бывали у нас, мягко предупреждали: - Пожалуйста, проходите вдоль стены, вот здесь. Мы держим его так, на всякий случай, да и для украшения. Если бы пол не натерался щеткой на очень длинной ручке, это место под мечом оставалось бы ненатертым.

Но пол под ним отличался всегда черным блеском, и только мне казалось, что это не так. Лежа на ковре, маленький, заброшенный в узорные орнаменты обоев, я даже не читал, а скорее слегка прикасался к этой пожелтевшей книжке, названия которой я не знал, как не знал ни начала ее, ни конца. Внимательно следя за накальваемыми в ванной страницами, я дождался иллюстраций. Белая обнаженная фигура перебрасывала ногу через решетку балкона. Вторая, тоже обнаженная, заламывала руки. В алькове стояла кровать. На небе - серп месяца. Все в черно-белом свете.

Случалось, хотя и нечасто, что днем я оставался в доме

один. Тогда я открывал дверь в прихожую. Из всех углов квартир, из глубины любой комнаты я видел в полумраке прямое, неподвижное острие, с таким глубоким, чистым, ослепительным блеском, с такой идеальной точностью формы и внутреннего света, что это притягивало меня больше, чем яркая крикливая картина заката, отражающаяся в зеркале спальни.

Отец подавился рыбой во время ужина. И было что-то обидное в том, что он подавился рыбьей костью, в то время как в соседней комнате, в прихожей, висел на волоске у потолка — обнаженный меч.

К Т О Е С Т Ь К Т О ?

Я сел в поезд и вошел в купе. Там уже находились: артиллерийский офицер, девушка-подросток, бородатый купец, монах, старик с благородными чертами лица и горбун, почти гном, а в углу сидел еще один скромный, худощавый человек.

Когда поезд тронулся, девушка, почти ребенок, захлопала в ладоши и, подпрыгивая на скамье, с наивной простотой воскликнула: — Едем! Едем! — Косички ее при этом высоко подпрыгивали. Монах перекрестился. Широкий коричневый рукав сполз у него до локтя, обнажив загорелую руку с татуировкой.

Набирая ход, поезд влетел на мост. Раздался неприятный ляг. Внизу заблестела река.

— В юности я раскачивался на стуле и слишком наклонился назад, — объяснял горбун. Это торопливое объяснение показалось мне неуместным. Я встретился глазами с худощавым пассажиром. У него было бледное, измученное лицо. Он пристально разглядывал пассажиров. В его глазах застыл страх.

— Все в руках Божьих — и стул, и кресло, и этажерка, — вздохнул монах, — и даже самая маленькая полочка.

Бородач, который был безусловно процветающим купцом, оперся руками о бедра. Было очевидно, что у него веселый, широкий характер и что ему не нравятся грустные или очень серьезные разговоры. — Может быть, что-нибудь споем? — спросил он густым басом. — У нас, в Ежовом Поле, мы всегда поем, когда едем в поезде. — И он встряхнул черными густыми волосами. У него было честное лицо, хотя и не без хитринки.

- Споем, споем! - снова захлопала в ладоши девушка.

- Поют обычно, когда маршируют, - отозвался военный. - Я - офицер и хорошо это знаю.

Вмешался старик: - Ценне - привилегия молодежи. - Он опирался о набалдашник старомодной палки и выглядел очень благородно. - Только аморальная молодежь боится песен, как преступник боится светлых и чистых мест, скрываясь в лесах.

Эти негромко сказанные слова неожиданно поразили молчаливого пассажира. Он еще глубже втиснулся в угол, а глаза его еще больше расширились.

- Раздался, гей, звон колокольный... - предложил купец. - Все знают эту песню?

.. - Колокол! - всплеснула руками девушка. После каждого ее движения какой-то твердый предмет все глубже врезался мне в бок.

- Раздался, гей, звон колокольный... На Белой башне наш отец... - запел купец.

- Колокола надо перелить в пушки, - потребовал офицер. Купец пел неплохо, но несколько искусственно. Вдруг с его горлом что-то случилось: бас исчез, и следующую ноту он спел чистым и звонким сопрано. Не заметив этого, купец продолжал петь, но спохватившись, замолчал, закашлял. - Это у меня от погоды всегда так. В новолуние и на сушь, - продолжал он, стараясь придержать отклеившуюся фальшивую бороду.

- А я бы не отказался в ермаш, - сказал офицер, желая сгладить неловкость. - Прекрасная полковая игра!

- Давайте я стану посреднике, - воскликнул горбун, - а вы будете играть на моем горбу. Я долго могу стоять неподвижно.

Мне снова показалось, что горбун слишком подчеркивает свой недостаток.

- У меня нет карт, - сказал офицер, пошарив в карманах шинели. - Остались на фронте.

В этих словах тоже было что-то сказанное. Вдруг совершенно неожиданно наступила полнейшая тьма. Поезд влетел в туннель. Раздался шум, повторенный многократным эхо. Чья-то рука коснулась моего плеча и схватила его. - Ради Бога, выйдем отсюда, - расслышал я шепот. Я встал, не имея понятия,

куда направиться. Меня повели, и я услышал, как открылась и снова закрылась дверь. Вероятно, мы вышли в коридор.

- Тихе, это - профессионалы. Неужели вы не понимаете, что офицер - это не офицер, а горбун - не горбун? Они все разыгрывают. Я еду с ними с самого начала.

- А почему разыгрывают?

- Потому что не доверяют друг другу. Это агенты разведки, контрразведки и тайной службы.

- Все?

- Все. И раньше ломались и так и эдак, но не настолько. Притворство в наше время развилось невероятно. Первобытный человек не притворялся.

- Ну, хорошо, - сказал я, озаренный догадкой. - А мы? - Снова стало светло. Мы стояли лицом к лицу. Поезд сбавлял ход.

- А мы кто? Ну, мы оба, вы и я...

Постояв еще минуту, мы отвернулись и разошлись, как будто ничего не произошло. Поезд остановился на маленькой станции. Кроме одинокой булки в степи здесь ничего не было. Я решил сойти не на перрон, а с противоположной стороны. Прыгая с высоких ступеней на щебень, я заметил, что мой собеседник пелает то же самое на противоположном конце вагона. Надвинув шляпы на глаза, скорбившись, мы помчались по полю в разные стороны, подальше от поезда и друг от друга.

С О Ч У В С Т В И Е

По причине житейских неприятностей я впал в депрессию. Именно тогда мое внимание привлекло следующее объявление в газете: "Ты грустишь? Тебе не везет? Ты обижен на жизнь? - Улица Помощи Пенсионерам, дом 18, флигель направо".

Когда я пришел по указанному адресу, там уже толпились люди. Надо было сначала купить билет в кассе и ждать. Впускали по десять человек. Наконец подошла очередь моей десятки, курьер ввел нас в помещение. Это была мерзкая грязная комната. На убогой постели бились в судорогах несколько детей. Эмалированные таблички на стенах гласили: "Можно курить

и плевать, это уже никому не повредит" и "Двери не закрывайте - зачем?".

У стола сидел одноногий мужчина с ввалившимися щеками. Мы кое-как разместились в этой норе, мужчина взглянул на часы, откашлялся и начал. Это была исповедь его жизни.

- Извиняюсь за отсутствие моей жены, она в больнице, а теперь позвольте вкратце ознакомить вас со своей жизнью.

По мере того, как он говорил, я чувствовал, что мое настроение улучшается. По сравнению с его несчастьями мои неприятности показались сущими пустяками. Это был какой-то грустный болезненный и несчастный. Уже в самом начале, когда он рассказывал о том, как стал сиротой, лица многих прояснились, а когда дело дошло до первого заболевания туберкулезом, повеселели все. Временами он издавал болезненные стоны, а под конец рассказа тихо заплакал.

Закончив, он взглянул на наши раскрасневшиеся лица и добавил, что он - алкоголик и за дополнительную плату может тут же напиться, что для него очень вредно. Кто-то воспользовался этим предложением.

Вышел я оттуда в прекрасном самочувствии.

Некоторое время спустя, возвращаясь вечером домой, я встретил этого человека на мосту. Он смотрел на медленное течение реки и выглядел угнетенным. Я подошел к нему.

- У вас новые огорчения? - спросил я. - Отравление? Экзема? Или, сохрани Боже, сифилис? ..

- Нет, что вы! - и он тяжело вздохнул. - Не будем говорить о делах. Мне просто грустно.

Он с таким мрачным напряжением вглядывался в медленно текущую воду, что я не выдержал.

- А знаете, что? У меня давно и очень сильно болит бок.

- В самом деле? - оживился он.

- Да. И кроме того, прошлым летом, когда я отпыхал в деревне, в меня ударила молния.

Его лицо настолько прояснилось, что я даже обиделся. - Правда, не попала.

Он помрачнел. - Но все же было, наверное, больно? Да? - спросил он с надеждой.

.. И столько чувства было в его голосе, что я чистосердечно ответил: - Очень.

- Ну, я пошел, - сказал он почти весело. - Как-нибудь все уладится, верно? - И ушел, посвистывая. С того дня он берет с меня дешевле.

